Самсон Гелхвидзе

НА КРОВИ И ПЕПЛЕ

Роман о судьбе Георгия Саакадзе,
о цене власти и мечте единой Грузии

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

НА КРОВИ И ПЕПЛЕ – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

НА КРОВИ И ПЕПЛЕ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «На крови и пепле» — это драматическое повествование о Георгии Саакадзе, одном из самых противоречивых и значительных деятелей грузинской истории.В центре произведения — судьба человека, посвятившего себя борьбе за единство и будущее родины, но оказавшегося в плену сложнейших политических противоречий своей эпохи. Автор показывает Саакадзе не только как выдающегося полководца и государственного деятеля, но и как живого человека, способного любить, страдать, ошибаться и расплачиваться за собственные решения.Особую глубину роману придают темы преданности родине, власти, человеческой гордости, семейной трагедии и трагического столкновения личных убеждений с историческими обстоятельствами. Перед читателем разворачивается не просто хроника войн и политических интриг, а человеческая драма на фоне судьбоносных событий.«На крови и пепле» — роман о цене исторического выбора, о несбывшейся мечте единства и о человеке, чьё имя пережило его эпоху.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
НА КРОВИ И ПЕПЛЕ – (роман)

НА КРОВИ И ПЕПЛЕ – (роман)

Исторический роман

ПРОЛОГ. Пепел над Мцхетой

Ночь опускалась на Картли медленно, словно и сама земля не решалась принять то, что произошло за этот долгий день.

Ветер тянул с юга запах гари. За холмами, там, где ещё недавно стояли грузинские полки, теперь лежали павшие воины, опрокинутые знамёна и обломки оружия. Марабдинское поле не сразу смолкло после битвы. До самого вечера там слышались стоны раненых, ржание оставшихся без всадников коней и глухие голоса тех, кто искал среди мёртвых своих родных.

Грузия проиграла сражение. Но война ещё не была окончена.

Георгий Саакадзе стоял на возвышении и смотрел туда, где за тёмными очертаниями холмов начиналась дорога к Тифлису. Его конь, измученный долгим днём, опустил голову. На одежде полководца засохла кровь, лицо было покрыто пылью, а в глазах застыла усталость человека, которому пришлось увидеть слишком многое за один день.

Он не сразу понял, что рядом остановился один из его приближённых.

— Господин Моурави, люди собираются у дороги. Многие ранены. Некоторые не могут идти.

Саакадзе повернулся.

— Пусть соберут всех, кого ещё можно спасти. Раненых не оставлять. Если нет лошадей, найдите повозки. Если нет повозок — несите на руках.

— А если неприятель вернётся?

— Тогда будем защищать тех, кого сумеем вывести. Сегодня мы потеряли слишком много людей, чтобы завтра бросить оставшихся.

Воин помолчал. Он хотел что-то сказать, но не решался. Саакадзе заметил это.

— Говори.

— Люди спрашивают, что теперь будет с Грузией.

Полководец посмотрел на него долгим взглядом.

— Скажи им, что Грузия ещё жива.

— Но войско разбито…

— Войско можно собрать снова. Землю нельзя поднять из могилы, если народ перестанет за неё бороться.

Приближённый склонил голову и отошёл.

Саакадзе остался один.

Перед ним лежала страна, которую он любил и которую так часто не понимал. Здесь каждый князь помнил о достоинстве своего рода, каждый владетель стремился сохранить собственную власть, каждый двор искал выгоды в союзе с сильным соседом. И пока грузинские правители спорили о первенстве, за Кавказскими горами и на востоке принимались решения, от которых зависела жизнь целых областей.

Саакадзе знал цену этим раздорам. Он видел, как легко вчерашний союзник становился противником, как быстро обещание превращалось в обвинение, а военная победа — в новую борьбу за влияние.

Но сегодня, среди пепла и крови, ему было не до дворцовых споров. Он думал о погибших.

Он знал многих из тех, кто остался на поле. Одни служили ему много лет, другие пришли под знамёна совсем недавно. Были среди них знатные люди и простые земледельцы, опытные воины и юноши, едва успевшие узнать настоящую жизнь. Их объединяло одно: они вышли сражаться за землю, которую считали своей.

И теперь эта земля принимала их.

Вдали показались огни. Небольшие группы уцелевших собирались возле дороги. Кто-то поддерживал товарища, кто-то нёс на плечах раненого, кто-то шёл, опираясь на обломок копья. Слышались тихие молитвы. Иногда раздавался женский плач — женщины из ближайших селений искали мужей и сыновей.

Саакадзе спустился с возвышения и направился к ним.

У дороги сидел молодой воин с перевязанной головой. Он держал на коленях сломанное копьё и смотрел в землю. Увидев Моурави, попытался подняться.

— Сиди, — остановил его Саакадзе. — Тебе нельзя вставать.

— Я не смог удержать строй, господин.

— Ты жив. Значит, ещё сможешь послужить своей земле.

— Но мы отступили.

— Отступление после поражения не всегда означает конец борьбы. Иногда оно означает, что борьба должна продолжаться иначе.

Юноша поднял на него глаза.

— А вы вернётесь?

Саакадзе не ответил сразу. Он посмотрел на тёмное поле, на огни вдали, на людей, которые медленно уходили с места сражения.

— Я вернусь туда, где буду нужен Грузии.

Юноша, казалось, хотел спросить ещё что-то, но силы оставили его. Он опустил голову, а полководец приказал двум воинам отнести его к остальным раненым.

Ночь становилась холоднее. Саакадзе снова взглянул на дорогу к Мцхете. Там, за холмами, находились древние святыни, каменные стены, дома и могилы предков. Страна жила не только в царских палатах и военных лагерях. Она жила в памяти людей, в их языке, в молитвах, в привычке возвращаться к родному очагу даже после самых тяжёлых испытаний.

И всё же он понимал: одного мужества недостаточно.

Грузии требовалось единство. Требовалась власть, способная удержать разрозненные земли от взаимного уничтожения. Требовалось согласие тех, кто привык считать собственную волю законом для остальных.

Он хотел этого. Хотел настолько сильно, что порой забывал: люди не становятся единым целым только потому, что один человек видит перед собой такую цель.

За годы службы он научился понимать шахов, царей и военачальников. Он видел могущество чужих дворов, знал цену дипломатическим обещаниям, наблюдал, как государственные интересы меняют направление вчерашних союзов. Но собственная страна оставалась для него самой трудной загадкой.

Почему люди, готовые вместе умереть перед лицом общего врага, не могли договориться о том, как им жить после победы?

Ответа не было.

Только пепел ложился на землю, а впереди оставались новые испытания.

Георгий Саакадзе родился в стране, где величие соседствовало с разобщённостью, а любовь к родине нередко сталкивалась с честолюбием и страхом. Он поднялся из среды грузинской знати, вошёл в круги большой политики, служил могущественному шаху и однажды повернул оружие против той державы, при дворе которой достиг высокого положения.

Его называли Великим Моурави. Одни видели в нём спасителя, другие — опасного соперника, третьи не могли простить ему ни прежней службы чужому государю, ни позднейшего противостояния грузинскому царю.

Но история редко бывает простой. В ней не всегда можно провести ясную черту между верностью и изменой, между честолюбием и государственным замыслом, между личной обидой и заботой о судьбе народа.

Впереди у Саакадзе были новые победы, тяжёлые решения и потери, которые невозможно было возместить никакой военной славой. Ему предстояло вновь оказаться между могущественными державами, между грузинскими царями и знатными домами, между собственными убеждениями и требованиями времени.

Он ещё не знал, какой ценой ему придётся заплатить за свои решения. Не знал, что однажды родная земля станет для него недостижимой, а имя, принесшее ему славу, окажется предметом споров на долгие столетия.

Пока же он стоял среди уцелевших после битвы и смотрел на восток.

Над Картли поднимался новый день. И вместе с ним начиналась следующая глава борьбы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЫН ГРУЗИНСКОЙ ЗЕМЛИ

Глава 1. Под небом неспокойной Картли

Картли жила тревожным ожиданием.

В начале XVII столетия эта древняя земля всё ещё хранила память о временах, когда грузинские цари могли смотреть на соседей с высоты собственного могущества. Старые храмы стояли на холмах, крепости охраняли горные проходы, а в долинах по-прежнему возделывали виноградники и пахали поля. Но за привычным укладом скрывалась тревога, которую невозможно было заглушить ни церковными колоколами, ни шумом многолюдных базаров.

Страна была разобщена. Царские владения, княжеские дома и отдельные области нередко жили собственными интересами. Вчерашние союзники могли завтра оказаться по разные стороны военного столкновения, а родственные связи далеко не всегда удерживали людей от борьбы за власть. На востоке усиливалось влияние Сефевидской Персии, с юго-запада давила Османская империя. Обе державы внимательно следили за Кавказом, понимая, какое значение имели его дороги, крепости и горные проходы.

В Тифлисе об этом говорили постоянно, хотя далеко не всегда вслух.

В одном из домов неподалёку от царского дворца собрались несколько представителей знатных семей. За длинным столом стояли серебряные кубки, блюда с хлебом, сыром и виноградом. Хозяин дома, пожилой князь с густыми седыми усами, принимал гостей с обычной для грузинской знати щедростью. Однако сегодня застолье не обещало быть весёлым.

— С юга снова приходили вести, — произнёс один из гостей, отодвигая кубок. — Персидские отряды движутся ближе к нашим владениям. Говорят, шах намерен укрепить своё влияние в Картли.

— Шахи всегда намерены укреплять своё влияние, — ответил хозяин. — Вопрос лишь в том, кто из наших князей первым решит, что ему выгоднее служить чужому государю, чем договариваться с собственным царём.

За столом возникло неловкое молчание.

— Ты говоришь так, словно у царя достаточно силы, чтобы заставить всех повиноваться, — заметил молодой князь. — Но ведь и сам двор не един в своих решениях.

— Тем хуже для нас, — спокойно ответил хозяин.

— А что ты предлагаешь? Собрать всех князей и заставить их забыть о собственных интересах?

— Я предлагаю хотя бы иногда вспоминать, что у нас есть общая земля.

Пожилой князь говорил без раздражения, но его слова задели собеседника.

— Общая земля не отменяет старых прав и привилегий.

— Конечно. Но она может однажды перестать быть общей, если каждый будет защищать только свои привилегии.

Разговор прервал слуга, вошедший с сообщением о новом госте. Прибывший оказался человеком из окружения одного из военачальников. Он поклонился присутствующим и сообщил, что в столицу ожидается возвращение нескольких отрядов, недавно действовавших на южных рубежах.

— А кто ими командовал? — спросил хозяин.

— Люди разных князей, господин. Единого командования не было.

Князь медленно покачал головой.

— Вот именно. Когда придёт большая война, каждый станет ждать приказа от своего господина. А враг тем временем будет наступать.

Молодой князь усмехнулся:

— Ты слишком мрачно смотришь на будущее.

— Я просто достаточно долго живу, чтобы не путать надежду с расчётом.

В тот вечер никто не произнёс имени Георгия Саакадзе. Он ещё не был тем человеком, о котором спорили бы при дворах и которого опасались бы правители. Но в грузинской среде уже существовали условия, в которых мог подняться военачальник необыкновенной силы и воли. Страна нуждалась в людях, способных не только командовать отрядами, но и понимать, что судьба отдельного княжества неотделима от судьбы всего царства.

А пока жизнь продолжалась.

В селениях крестьяне возвращались с полей, женщины готовили вечернюю пищу, дети играли возле домов. В монастырях переписывали книги, в храмах служили литургии, а на дорогах всё чаще встречались вооружённые всадники. Никто не знал, какой именно день станет началом большой беды. Люди привыкли жить между надеждой и опасностью.

На западе, в Имеретии, происходили собственные политические столкновения. На востоке персидские правители не забывали о землях, которые считали частью своей сферы влияния. Османские наместники внимательно следили за передвижениями соседей. Грузинские же владетели продолжали искать равновесие между внешними угрозами и внутренними соперниками.

Именно в таком мире предстояло складываться судьбе Георгия Саакадзе.

Его путь ещё не был определён. Впереди оставались годы службы, придворные интриги, военные походы, возвышение и изгнание. Но прежде чем стать Великим Моурави, он должен был пройти школу собственной земли — земли, которая умела рождать отважных людей, но редко давала им возможность спокойно служить своему народу.

Вечером над Картли опустился туман. На башнях зажглись огни, и сторожа начали перекликаться между собой. Где-то далеко, за горными хребтами, двигались армии, менялись союзы и принимались решения, о которых жители грузинских селений узнавали лишь спустя недели.

А в Тифлисе старый князь ещё долго сидел у погасавшего очага, вспоминая разговор за столом.

— Неужели мы так и не научимся держаться вместе? — спросил он наконец.

Никто не ответил. Потому что каждый знал: именно этот вопрос однажды станет главным для всей Грузии.

Глава 2. Дом, в котором росла гордость

В доме Саакадзе редко бывало по-настоящему тихо. Даже в те часы, когда мужчины уезжали по делам, а женщины занимались хозяйством, жизнь продолжалась своим чередом: во дворе переговаривались слуги, у конюшни возились конюхи, из кухни доносился запах свежего хлеба, а за оградой слышались голоса соседей.

Это был дом знатного человека, но не того, кто стремился окружить себя показной роскошью. Здесь ценили достоинство рода, уважение к старшим, верность данному слову и умение держаться в трудных обстоятельствах. О военной службе говорили так же естественно, как о земледелии или семейных заботах. Для мужчин этой среды оружие было не украшением, а частью жизни.

Георгий рос среди людей, которые хорошо знали цену чести. Однако ещё в детстве он заметил, что каждый понимает её по-своему.

Однажды, когда мальчик был совсем юным, во двор приехал родственник его отца. Это был человек сурового нрава, с резкими чертами лица и привычкой говорить так, словно любое его слово должно было стать последним.

За обедом разговор зашёл о соседнем владении, где недавно произошла ссора между двумя знатными семьями.

— Они не имеют права распоряжаться этой землёй, — заявил гость. — Мой дед получил её от царя, и никакие позднейшие договорённости этого не изменят.

— Но ведь нынешний владелец пользуется ею уже много лет, — заметил отец Георгия.

— Это ничего не значит. Старое право сильнее нового соглашения.

— А если из-за старого права начнётся кровопролитие?

Гость пожал плечами.

— Тогда пусть каждый защищает то, что принадлежит его роду.

Мальчик, сидевший неподалёку, поднял голову.

— А если из-за вашей земли погибнут люди, которые не имеют к спору никакого отношения?

Взрослые посмотрели на него. Родственник нахмурился.

— Ты ещё слишком мал, чтобы рассуждать о таких вещах.

— Но ведь люди погибнут не меньше оттого, что я мал.

Отец сдержал улыбку, однако не стал вмешиваться. Гость же некоторое время рассматривал мальчика, словно впервые заметил его присутствие.

— А ты, оказывается, уже умеешь спорить со старшими.

— Я не спорю, — ответил Георгий. — Я хочу понять.

— Что именно?

— Почему нельзя договориться?

Родственник усмехнулся.

— Потому что в этом мире не всякий готов уступить.

— Тогда почему бы не заставить его уступить?

На этот раз улыбнулся отец.

— Силой можно заставить человека замолчать, сын. Но это ещё не значит, что он согласится с тобой.

Георгий задумался. Он не до конца понял смысл сказанного, однако запомнил его.

Позже, когда гости разошлись, отец позвал мальчика к себе.

— Ты сегодня был слишком смел.

— Я сказал неправду?

— Нет. Но правда не всегда требует, чтобы её произносили при всех.

— А когда её следует говорить?

Отец посмотрел на сына с неожиданной серьёзностью.

— Когда молчание становится опаснее твоих слов.

Эти разговоры не превращали Георгия в мудреца. Он оставался мальчиком, которому хотелось бегать по двору, наблюдать за лошадьми, упражняться с деревянным мечом и побеждать сверстников в состязаниях. Но в нём уже проявлялось качество, которое позднее станет

заметным даже его противникам: он не любил принимать чужие объяснения только потому, что они исходили от человека старше или знатнее его.

Ему требовалось самому увидеть, понять и решить.

Однажды утром отец взял его с собой за пределы селения. Они ехали по дороге, проходившей между полями и невысокими холмами. Вдали виднелись дома, виноградники и небольшая церковь. Возле одного из полей несколько крестьян пытались поднять упавшую повозку.

Отец остановился и велел слуге помочь им.

— Ты знаешь этих людей? — спросил Георгий.

— Некоторых знаю. Других вижу впервые.

— Почему мы остановились?

— Потому что им нужна помощь.

— Но ведь они не наши слуги.

— Тем более.

Мальчик посмотрел на отца, ожидая продолжения.

— Запомни, Георгий: владеть землёй — не значит только получать с неё доход. Тот, кто имеет власть над людьми, отвечает и за их беды. Иначе его власть ничего не стоит.

Они продолжили путь. Через некоторое время Георгий спросил:

— А если человек не хочет отвечать за других?

— Тогда он должен отказаться от власти.

— А многие отказываются?

Отец усмехнулся.

— Гораздо чаще они отказываются от ответственности, но не от самой власти.

Мальчик рассмеялся. Отец тоже улыбнулся, однако в его взгляде оставалась задумчивость.

Вечером Георгий долго не мог уснуть. Он вспоминал увиденную повозку, крестьян, разговор за столом и слова отца. Ему казалось, что мир устроен несправедливо, но ещё не было понятно, как эту несправедливость можно исправить.

На следующий день он отправился к конюшне, где старый конюх показывал мальчикам, как обращаться с молодой лошадью.

— Не тяни поводья так резко, господин, — сказал старик, когда Георгий попытался заставить коня повернуть. — Лошадь испугается и начнёт сопротивляться.

— А если она не слушается?

— Сначала пойми, чего она боится.

— А если она упрямая?

— Тогда тебе придётся быть умнее её упрямства.

Георгий рассмеялся.

— Ты говоришь о лошади так, будто она человек.

— Иногда с лошадьми легче, чем с людьми, господин. Они хотя бы не притворяются, что согласны с тобой.

Старик произнёс это с такой невозмутимостью, что мальчик снова рассмеялся. Но и эти слова остались в его памяти.

Проходили годы. Дом Саакадзе становился для Георгия первой школой жизни, в которой его учили не столько правилам поведения, сколько умению наблюдать за людьми. Он видел, как отец принимал гостей, как разговаривал с соседями, как решал споры и как менялось выражение его лица, когда речь заходила о судьбе страны.

Всё чаще в доме появлялись известия о передвижениях персидских войск, о напряжённости на границах, о новых требованиях и распоряжениях. Взрослые говорили об этом осторожно, но Георгий уже научился понимать: за пределами родного дома существует большой мир, где решения принимаются не всегда теми, кто потом расплачивается за их последствия.

Однажды вечером отец позвал его к себе. На столе лежала карта грузинских земель.

— Подойди, Георгий.

Мальчик приблизился.

— Видишь эти горы?

— Да.

— А эти долины?

— Да.

— Здесь наши земли. Здесь живут люди, говорят на одном языке, молятся в одних храмах, помнят одни предания. Но посмотри внимательнее: сколько отдельных владений, сколько границ, сколько дорог, которые могут стать дорогами войны.

Георгий наклонился над картой.

— Почему они не могут быть одной страной?

Отец некоторое время молчал.

— Потому что люди часто лучше понимают, что хотят получить сами, чем то, что необходимо всем.

— Но ведь если страна станет сильной, каждый выиграет.

— Возможно. Только не каждый готов ждать общей пользы, если может получить собственную выгоду сегодня.

Мальчик провёл пальцем по карте.

— Значит, кто-нибудь должен объединить их.

Отец посмотрел на сына. В его лице не было ни улыбки, ни насмешки.

— Объединить людей труднее, чем победить врага. Не забывай этого.

Георгий выпрямился.

— А если всё-таки попробовать?

— Тогда сначала научись понимать тех, кого собираешься вести за собой.

Отец свернул карту и убрал её в сторону. Разговор закончился, но для Георгия он оказался важнее многих наставлений.

В тот вечер он впервые почувствовал, что родная земля — это не только дом, поля и дороги, по которым можно ездить верхом. Это множество человеческих судеб, связанных между собой гораздо крепче, чем казалось на первый взгляд.

И если однажды ему придётся выбирать между личной выгодой и судьбой этой земли, он хотел бы знать, как поступить правильно.

Пока он ещё не знал, насколько трудным окажется такой выбор.

А впереди его ждала юность, в которой первые мечты о справедливости должны были встретиться с настоящим миром — миром царских дворов, военных походов и борьбы за власть.

Глава 3. Юность среди сильных мира

Годы незаметно меняли Георгия. Детские вопросы уступали место более серьёзным размышлениям, а игры во дворе всё чаще сменялись упражнениями с оружием и верховой ездой. Он рос крепким, подвижным юношей, которому трудно было долго оставаться без дела. В нём рано проявилась привычка наблюдать за окружающими, подмечать чужие слабости и не торопиться с выводами.

Отец следил за его воспитанием внимательно, хотя не стремился превратить сына в человека, который знает ответы на все вопросы. Напротив, он чаще задавал ему новые.

— Ты хорошо держишься в седле, — сказал он однажды после очередной тренировки. — Но скажи мне: что важнее для всадника — сила или умение управлять конём?

— И то и другое.

— А если придётся выбирать?

Георгий задумался.

— Умение управлять. Сильный конь без послушания может погубить всадника.

— Верно. А воин?

— Воин должен уметь владеть оружием.

— Только оружием?

— Ещё собой.

Отец одобрительно кивнул.

— Вот этому научиться труднее всего.

Вскоре Георгию довелось увидеть, насколько справедливыми были эти слова.

В доме одного из местных владетелей состоялось собрание, на которое пригласили его отца. Обсуждались отношения между несколькими знатными семьями, спорившими из-за земель и права собирать доходы с соседних селений. Георгий сопровождал отца и впервые присутствовал при разговоре, где каждое слово имело скрытый смысл.

Два князя сидели напротив друг друга. Один говорил громко, подчёркивая древность своего рода, другой отвечал сдержанно, но не менее настойчиво. Время от времени они обращались к хозяину собрания, ожидая поддержки.

— Мои предки владели этими землями задолго до появления нынешнего соглашения, — заявил первый.

— А мои люди обрабатывают их уже три поколения, — возразил второй. — Кто будет отвечать за урожай, если ты завтра решишь выгнать их?

— Это не твоя забота.

— Как раз моя. Потому что именно мои люди там живут.

Хозяин поднял руку, призывая спорщиков к порядку.

— Мы собрались не для того, чтобы вспоминать, чей дед был богаче или влиятельнее. Нужно найти решение, которое не приведёт к новой вражде.

— Решение известно, — резко ответил первый князь. — Пусть он признает мои права.

— А если не признает? — спросил второй.

— Тогда я найду способ их защитить.

В этих словах уже звучала угроза.

Отец Георгия до сих пор молчал. Теперь он повернулся к собеседникам.

— Вы оба говорите о своих правах, но никто не спросил, что думают люди, которые живут на этой земле. Неужели они существуют только для того, чтобы платить вам и выполнять ваши распоряжения?

Первый князь недовольно посмотрел на него.

— Мы обсуждаем владения, а не судьбы крестьян.

— Земля без людей — пустое поле. И если ради ваших притязаний люди покинут свои дома, вы получите именно то, о чём спорите: землю, на которой некому будет работать.

На мгновение все замолчали.

Георгий внимательно следил за лицами присутствующих. Он видел, что слова отца не понравились обоим спорщикам, хотя возразить ему было трудно.

Позднее, когда они возвращались домой, юноша спросил:

— Почему они не согласились?

— Потому что согласие потребовало бы от каждого уступить часть того, что он считает своим.

— Но ведь можно разделить доходы или установить порядок пользования землёй.

— Можно. И, возможно, именно так они в конце концов и поступят.

— Тогда зачем столько споров?

Отец посмотрел на дорогу.

— Иногда человеку важнее не получить желаемое, а не позволить другому получить больше него.

Георгий усмехнулся.

— Значит, они спорят не о земле?

— Земля здесь лишь повод. Настоящий спор идёт за влияние.

Это объяснение запомнилось ему надолго.

Вскоре юноша начал чаще бывать в обществе людей, связанных с царским двором. Он встречал военачальников, советников, представителей знатных родов. Одни рассказывали о походах, другие обсуждали отношения с Персией и Османской империей, третьи говорили о необходимости укреплять власть царя.

Особенно его занимали военные рассказы. Он мог часами слушать старых воинов, расспрашивая их о том, как строились отряды, почему одни командиры пользовались доверием солдат, а другие теряли его после первой же неудачи.

Однажды ему представилась возможность поговорить с пожилым военачальником, который много лет провёл в походах.

— Ты хочешь стать полководцем? — спросил тот.

— Хочу научиться командовать людьми.

— Это не одно и то же.

— Почему?

— Полководец может выиграть сражение и всё равно погубить войско. Командир должен понимать, сколько людей он вправе подвергнуть опасности ради поставленной цели.

— А разве в бою можно всё рассчитать?

— Нет. Но можно научиться не тратить человеческие жизни из тщеславия.

Георгий внимательно посмотрел на старика.

— А как отличить необходимый риск от безрассудства?

— После победы это объясняют все. После поражения — почти никто.

Военачальник рассмеялся, заметив, что юноша воспринял его слова слишком серьёзно.

— Не принимай всё близко к сердцу, молодой человек. Иначе до старости не доживёшь.

— А если не принимать, зачем тогда вообще становиться воином?

Старик перестал улыбаться.

— Вот это уже правильный вопрос.

С того дня он стал относиться к Георгию с большим вниманием. Иногда приглашал его на тренировки, показывал приёмы обращения с копьём, объяснял особенности конного боя. Но ещё чаще говорил о людях, которые стояли за каждым военным решением.

— Запомни, — сказал он однажды, — солдат может повиноваться из страха. Но долго и хорошо сражается тот, кто верит своему командиру.

Георгий постепенно понимал, что военная сила складывается не только из оружия, численности и удачного расположения войск. Она зависит от доверия, дисциплины и способности людей видеть смысл в том, что они делают.

Однако за стенами военных дворов существовал другой мир — мир придворной политики. И он оказался куда менее прямолинейным.

Однажды вечером Георгий присутствовал на приёме, где собрались представители нескольких влиятельных семейств. Разговор шёл о положении царства, о внешних угрозах и о том, кому следует поручить руководство военными делами.

Один из гостей заметил:

— Царю нужны люди, которые умеют не только сражаться, но и договариваться.

Другой усмехнулся:

— Договариваться можно до тех пор, пока противник не решит, что твоя уступчивость означает слабость.

— А если мы будем воевать со всеми, кто не согласен с нами, откуда возьмём силы?

— Сила найдётся, если знать, за что сражаться.

Отец Георгия, сидевший рядом, внимательно слушал. Когда разговор стал слишком горячим, он произнёс:

— Самое опасное заблуждение правителя — считать, что все окружающие желают ему добра. Но ещё опаснее думать, что каждый, кто с ним спорит, обязательно является врагом.

Георгий посмотрел на отца. Впервые он заметил, что тот умеет не только говорить с людьми, но и вовремя удерживать их от слов, которые завтра могли бы обернуться враждой.

Позднее, уже дома, юноша спросил:

— Ты веришь этим людям?

— Некоторым.

— А остальным?

— Остальных я стараюсь понимать.

— Но как можно доверять человеку, которого приходится опасаться?

Отец снял верхнюю одежду и положил её на скамью.

— Доверие не означает, что нужно закрывать глаза. Иногда разумнее всего знать, чего можно ожидать от человека, даже если ты ему не веришь.

Георгий задумался.

Всё чаще он замечал, что между словами и поступками людей существует расстояние. При дворе говорили о единстве, но каждый берег собственное влияние. Военачальники обещали служить царю, однако помнили о верности своим покровителям. Знатные семьи рассуждали о судьбе страны, но прежде всего заботились о сохранении положения.

Юноша не спешил осуждать всех подряд. Он понимал, что каждый человек имеет свои страхи и обязательства. Но ему всё труднее было мириться с мыслью, что судьба Грузии может зависеть от бесконечного соперничества тех, кто обязан её защищать.

Однажды ночью он вышел во двор. Небо было ясным, над крышами стояли звёзды. Издалека доносился лай собак. Георгий остановился возле конюшни, где спали лошади, и долго смотрел на тёмные очертания гор.

Ему хотелось верить, что однажды грузинские князья сумеют договориться, а царская власть станет достаточно сильной, чтобы удержать страну от распада.

Но уже тогда он начинал понимать: одного желания для этого недостаточно.

Нужно было обладать силой, умением убеждать и готовностью принимать решения, от которых не всегда будет зависеть только собственная судьба.

Так постепенно формировался характер человека, которому предстояло войти в большую историю.

Глава 4. Уроки царского двора

Первое настоящее знакомство Георгия с придворной жизнью произошло не во время торжественного приёма и не на военном совете, а в один из обычных дней, когда в царской резиденции решались дела, казавшиеся постороннему человеку незначительными.

Отец взял его с собой, предупредив перед отъездом:

— Сегодня больше слушай, чем говори.

— Я всегда слушаю.

— Не всегда. Иногда ты уже готовишь ответ, пока другой ещё не закончил фразу.

Георгий улыбнулся.

— Постараюсь исправиться.

— Не исправиться, а научиться различать, когда следует говорить.

Дворец встретил их шумом голосов и привычной суетой. Слуги проходили по коридорам, чиновники ожидали вызова, посыльные приносили донесения. Возле входа стояли вооружённые стражники. Их лица оставались неподвижными, но каждый внимательно следил за происходящим.

В одном из помещений собрались несколько придворных. Разговор касался положения на южных рубежах и необходимости усилить охрану дорог.

— Если мы направим туда слишком много людей, — говорил один из советников, — в других областях останется недостаточно воинов.

— А если не направим, пострадают селения, — возразил военачальник.

— Можно договориться с соседними владетелями.

— Ты предлагаешь доверить безопасность границы тем, кто вчера не выполнил собственных обязательств?

Советник пожал плечами.

— Другого выхода пока нет.

Георгий стоял позади отца и внимательно слушал. Его удивляло, насколько сложным оказывалось даже простое решение. Каждый видел опасность, но никто не хотел брать на себя ответственность за последствия.

Через некоторое время появился царский чиновник и пригласил отца Георгия пройти в соседнюю комнату. Там находился человек, которому поручили разобраться с жалобами нескольких селений. Представители этих селений ожидали решения по поводу сбора податей и повинностей.

Один из крестьян, пожилой мужчина с натруженными руками, говорил с заметным волнением:

— Господин, мы не отказываемся платить. Но в прошлом году урожай погиб, а теперь с нас требуют столько же, сколько в лучшие годы. Если мы отдадим всё, нам нечем будет кормить семьи.

Чиновник выслушал его и ответил:

— Сборы установлены распоряжением. Я не могу отменить их по своему усмотрению.

— Тогда кто может?

— Обращайтесь к своему владетелю.

— Мы обращались. Он сказал, что ничего изменить нельзя.

Отец Георгия вмешался:

— А кто устанавливал размер податей?

— Управляющий владением, — ответил крестьянин.

— Он видел состояние ваших полей?

— Нет, господин. Он прислал людей, которые записали, сколько земли у каждого.

Отец повернулся к чиновнику.

— Значит, решение приняли, не выяснив, что произошло с урожаем?

— Таков порядок.

— Порядок существует для того, чтобы помогать управлению, а не для того, чтобы губить людей.

Чиновник нахмурился.

— Если каждый начнёт требовать особых условий, мы не соберём необходимых средств.

— А если люди разбегутся и оставят землю, вы соберёте ещё меньше.

Разговор продолжался довольно долго. В конце концов было решено направить человека для проверки состояния селений и временно отсрочить часть сборов.

Когда крестьяне ушли, Георгий спросил отца:

— Разве такие дела должен решать сам двор?

— Не всегда. Но если обычный порядок перестаёт работать, кто-то обязан вмешаться.

— Значит, власть должна знать, что происходит в каждом селении?

— В идеале — да. На деле это невозможно. Поэтому государству нужны честные и разумные люди на местах.

— А если они окажутся нечестными?

Отец посмотрел на него.

— Тогда беда начинается задолго до того, как о ней узнаёт царь.

Эти слова Георгий запомнил.

Позже отец познакомил его с одним из придворных военачальников, который внимательно присматривался к молодым людям, способным проявить себя на службе.

— Это сын моего старого знакомого, — сказал отец. — Он интересуется военным делом и хотел бы узнать больше о службе при дворе.

Военачальник окинул юношу взглядом.

— Сколько тебе лет?

Георгий ответил.

— Уже упражняешься с оружием?

— Да.

— Хорошо держишься в седле?

— Думаю, достаточно хорошо.

— Думаешь или знаешь?

— Могу показать.

Военачальник рассмеялся.

— Гордый юноша. Это полезное качество, пока оно не начинает командовать твоим разумом.

Он предложил Георгию пройти во внутренний двор, где несколько молодых воинов упражнялись с копьями. Там стояли деревянные щиты, тренировочные мечи и несколько коней.

— Посмотрим, что ты умеешь, — сказал военачальник.

Георгий выбрал копьё и встал напротив одного из молодых воинов. Тот был старше и заметно опытнее. Первые движения оказались неудачными: противник легко отводил его удары, заставляя терять равновесие.

Георгий начал сердиться.

— Не торопись, — заметил военачальник. — Ты пытаешься победить силой, а не движением.

Юноша снова пошёл в атаку, но на этот раз внимательно следил за противником. Он заметил, что тот всякий раз чуть смещается влево перед выпадом. Использовав это, Георгий изменил направление удара и сумел коснуться щита соперника.

— Уже лучше, — сказал военачальник. — Но не воображай, что один удачный выпад делает тебя воином.

— Я и не воображаю.

— Хорошо. Тогда запомни ещё одно: на поле боя противник не обязан повторять твою ошибку дважды.

После тренировки военачальник пригласил отца Георгия на короткую беседу. Юноша остался во дворе, наблюдая за упражнениями других.

Когда они вышли из дворца, отец спросил:

— Что ты сегодня понял?

— Что при дворе много людей, которые говорят о государстве, но не всегда знают, как живут простые люди.

— Это ты заметил правильно.

— И ещё я понял, что каждый вопрос здесь связан с другим. Нельзя решить одну проблему, не затронув остальные.

Отец кивнул.

— Именно поэтому правителю нужны советники, которые умеют видеть последствия своих решений.

— А если советники думают только о себе?

— Тогда царю приходится выбирать между плохим решением и ещё худшим.

Георгий остановился.

— Но разве нельзя найти людей, которым можно доверять?

— Можно. Только их ещё нужно суметь распознать. И даже самые достойные люди иногда ошибаются.

Юноша снова пошёл рядом с отцом.

Вечером он долго вспоминал увиденное. Ему стало ясно, что царский двор был не просто местом, где жил правитель. Здесь пересекались интересы целых областей, решались вопросы войны и мира, распределялись должности, заключались соглашения и рождались вражда и дружба.

Здесь можно было получить возможность служить стране, но можно было и потерять свободу собственных решений.

Георгий ещё не знал, насколько тесно его жизнь окажется связана с этим миром. Он не представлял, что однажды ему придётся бороться не только с внешними врагами, но и с людьми, с которыми он прежде делил общие надежды.

Пока же он возвращался домой вместе с отцом и думал о будущем.

— Скажи, — спросил он, когда они уже подъезжали к дому, — можно ли быть хорошим воином и плохим правителем?

Отец улыбнулся.

— Конечно.

— А хорошим правителем и плохим человеком?

На этот раз отец не ответил сразу.

— Человек может обладать многими достоинствами и всё же совершить поступок, за который ему придётся отвечать всю жизнь. Поэтому не спеши судить о людях по одному качеству.

— Значит, нужно смотреть на всю их жизнь?

— И на то, что они оставляют после себя.

Георгий запомнил эти слова.

Он ещё не знал, что однажды потомкам предстоит судить и о его собственной жизни. И что его имя будет вызывать не только восхищение, но и споры, в которых каждый станет искать свою правду.

А пока перед ним открывался путь к службе, на котором первые уроки царского двора должны были смениться настоящими испытаниями.

Глава 5. Человек, которого заметили

Весна в Картли выдалась ранней. На склонах холмов уже зеленела трава, в садах набухали почки, а дороги, ещё недавно размокшие от дождей, снова наполнялись всадниками и торговыми повозками.

В доме Саакадзе готовились к приезду нескольких гостей. Отец Георгия получил известие, что в столицу направляется военный отряд, возвращавшийся после службы на южных рубежах. Вместе с ним должен был прибыть один из царских военачальников, давно знакомый с хозяином дома.

Георгий встретил новость с нескрываемым интересом.

— Он действительно участвовал в больших походах? — спросил он отца.

— В нескольких.

— И ты позволишь мне поговорить с ним?

— Если он сам сочтёт нужным.

— А если не сочтёт?

— Тогда будешь слушать других. У тебя ещё будет возможность заслужить его внимание.

Отец произнёс это спокойно, но Георгий понял, что речь идёт не о простом знакомстве. Прибытие человека, связанного с царской военной службой, могло открыть перед ним новые возможности.

Гости приехали ближе к вечеру. Их было немного, но вид у всех был походный: запылённые одежды, потемневшие от солнца лица, оружие у поясов. Военачальник, которого ждали в доме, оказался человеком лет пятидесяти, с тяжёлым взглядом и неторопливыми движениями. Его звали Арчил, и, судя по тому, как держались рядом с ним остальные, его уважали не только за положение.

После приветствий и короткого отдыха хозяин пригласил гостей к столу.

Разговор начался с дороги, затем перешёл к положению на юге. Арчил рассказывал о трудностях снабжения, о необходимости укреплять отдельные переходы и о том, что местные владетели далеко не всегда выполняют обещания, данные царским представителям.

— Иногда приходится больше времени тратить на переговоры с собственными союзниками, чем на наблюдение за противником, — заметил он.

— Значит, положение не изменилось, — ответил отец Георгия.

— Оно меняется каждый день. Только причины остаются прежними.

Георгий слушал, почти не притрагиваясь к еде.

— А что труднее всего в походе? — спросил он, когда возникла небольшая пауза.

Арчил повернул к нему голову.

— Ты, должно быть, Георгий?

— Да, господин.

— Сын нашего хозяина?

— Да.

— И тебя интересует военная служба?

— Очень.

— Почему?

Георгий на мгновение задумался.

— Потому что наша земля нуждается в сильном войске.

— А ты уверен, что сильное войско решит все проблемы?

— Нет. Но без него остальные решения могут оказаться бесполезными.

Арчил внимательно посмотрел на юношу.

— Неплохой ответ. Но скажи, что ты сделаешь, если получишь приказ выступить против людей, которые считают себя твоими союзниками?

— Сначала выясню, почему возник конфликт.

— А если времени на выяснения не будет?

— Тогда придётся исполнять приказ.

— Даже если он приведёт к гибели невиновных?

Георгий помолчал.

— Я постараюсь найти другой выход.

Арчил усмехнулся.

— Все молодые люди хотят найти другой выход. Потом они узнают, что иногда выходов нет.

— Значит, нужно искать раньше, чем они исчезнут.

На этот раз военачальник рассмеялся.

— В твоём возрасте я говорил почти так же. Потом жизнь научила меня быть осторожнее.

Отец Георгия вмешался:

— Не пугай его раньше времени. Пусть сначала научится ездить верхом так, чтобы не терять шапку на каждом повороте.

— Если он умеет спорить, значит, сумеет и удержаться в седле, — ответил Арчил.

Разговор продолжился. Позже, когда гости поднялись из-за стола, военачальник попросил Георгия показать ему двор и конюшню.

Они вышли на свежий воздух. Солнце уже скрылось за холмами, и в окнах домов зажигались огни.

— Ты часто бываешь при дворе? — спросил Арчил.

— Иногда сопровождаю отца.

— И что тебя там привлекает?

— Возможность узнать, как принимаются решения.

— А ты думаешь, что решения всегда принимаются разумно?

— Нет.

— Тогда зачем тебе это знать?

— Чтобы однажды самому не повторять чужих ошибок.

Арчил остановился.

— Осторожнее с такими желаниями, юноша. Люди, которые стремятся исправлять чужие ошибки, часто становятся врагами тех, кто их совершил.

Георгий не ответил.

Они подошли к конюшне. Арчил осмотрел лошадей, задержался возле молодого гнедого жеребца и спросил, кто им занимается.

— Я сам, когда есть время.

— Хорошая лошадь. А ты умеешь управлять ею в быстром движении?

— Да.

— Тогда завтра на рассвете поедем за город. Посмотрим, насколько твои слова соответствуют умению.

Георгий не сразу поверил услышанному.

— Ты возьмёшь меня с собой?

— Если отец не возражает.

— Он не станет возражать.

Арчил улыбнулся.

— Не отвечай за других, пока они сами не сказали своего слова.

На следующее утро они выехали за город. Вместе с Арчилом отправились несколько опытных всадников. Георгий держался немного позади, наблюдая за движениями старших. Вскоре отряд ускорил ход, и дорога вывела их на открытое пространство.

Арчил предложил устроить небольшое состязание. Георгий принял вызов охотно, но, увлёкшись скоростью, слишком резко повернул коня на неровном участке. Животное поскользнулось, и юноше едва удалось удержаться в седле.

— Вот тебе первый урок, — сказал Арчил, подъехав ближе. — В бою не всегда проигрывает тот, кого победил противник. Иногда проигрывает тот, кто не сумел совладать с собственной поспешностью.

Георгий тяжело дышал, но не пытался оправдываться.

— Я понял.

— Хорошо. Теперь повторим.

Они вернулись к упражнению. На этот раз Георгий действовал осторожнее. Он не пытался любой ценой опередить старших и сумел пройти участок без ошибки.

Арчил одобрительно кивнул.

— Учишься быстро.

— Просто не хочу снова падать.

— Это тоже полезное качество.

К полудню они вернулись домой. За обедом Арчил сообщил отцу, что Георгия можно будет привлечь к дальнейшей подготовке и постепенно вводить в круг людей, связанных с военной службой.

— Он ещё молод, — заметил отец.

— Именно поэтому сейчас самое время учить его. Позднее будет труднее.

Георгий молчал, стараясь не показывать радости.

Отец посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что это не игра?

— Понимаю.

— Служба потребует от тебя дисциплины. Иногда придётся выполнять распоряжения, которые тебе не понравятся.

— Я знаю.

— И не всегда рядом окажутся люди, готовые объяснить, почему принято то или иное решение.

— Тогда мне придётся научиться разбираться самому.

Отец некоторое время смотрел на сына, затем кивнул.

— Что ж. Попробуй.

Так начался новый этап жизни Георгия Саакадзе. Ему ещё предстояло пройти долгий путь, прежде чем его имя станет известно далеко за пределами Картли. Но теперь перед ним открывалась возможность не только наблюдать за большой историей, но и постепенно становиться её участником.

Глава 6. Первые победы

Военная служба оказалась совсем не такой, какой представлялась Георгию в юности.

Вместо торжественных построений и красивых речей его встретили ранние подъёмы, тяжёлые переходы, строгие требования и бесконечные упражнения. Молодые люди, пришедшие служить, быстро узнавали, что одного происхождения и доброго имени недостаточно, чтобы заслужить уважение старших.

Георгий не пытался получить особое положение благодаря отцу. Он предпочитал выполнять задания наравне с остальными, хотя некоторые из молодых воинов относились к нему настороженно.

Однажды после тренировки к нему подошёл широкоплечий парень по имени Бека.

— Говорят, ты из знатной семьи.

— Говорят, — ответил Георгий.

— Значит, тебе легче попасть на хорошую службу.

— Возможно.

— И ты считаешь это справедливым?

Георгий посмотрел на него.

— А ты хотел бы, чтобы я отказался от возможности служить только потому, что родился в определённой семье?

Бека усмехнулся.

— Я хотел бы, чтобы нас оценивали по тому, что мы умеем.

— Тогда постарайся показать, что умеешь больше меня.

Парень рассмеялся.

— Вот это уже разговор!

С тех пор между ними установились приятельские отношения. Бека оказался человеком прямым, иногда грубоватым, но надёжным. Он хорошо знал местность, умел обращаться с оружием и обладал редким даром сохранять спокойствие в трудных обстоятельствах.

Во время одного из учебных выездов отряд отправился к небольшому укреплению, где предстояло проверить охрану дороги. По замыслу командиров молодые воины должны были

действовать небольшими группами, прикрывая друг друга и не допуская условного противника к переправе.

Георгий командовал одной из групп.

Поначалу всё шло согласно плану. Однако вскоре он заметил, что соседняя группа слишком далеко отошла от основной дороги. Если бы условный противник воспользовался этим, он смог бы обойти укрепление с фланга.

Георгий остановил своих людей.

— Бека, возьми двоих и посмотри, что происходит справа.

— А ты?

— Останусь здесь. Если они действительно отошли, нужно будет предупредить остальных.

Бека вскоре вернулся.

— Там никого нет. Они ушли к ручью и не видят, что происходит на дороге.

— Передай командиру.

— Почему сам не пойдёшь?

— Потому что тогда здесь останется слишком мало людей.

Бека кивнул и отправился выполнять поручение.

Когда учебное столкновение завершилось, старший командир вызвал Георгия.

— Кто заметил ошибку?

— Я.

— Почему не попытался исправить её самостоятельно?

— Потому что тогда оставил бы свою группу без прикрытия.

— А почему не стал ждать приказа?

— Потому что промедление могло привести к поражению.

Командир внимательно посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что иногда самостоятельность опаснее ошибки?

— Да.

— Но всё равно действовал?

— Да. Я считал, что в тот момент это было необходимо.

Командир не стал хвалить его сразу. Он некоторое время изучал записи, затем произнёс:

— Ты правильно оценил положение. Но запомни: если твои решения затрагивают других людей, ты должен уметь объяснить их последствия.

Георгий поклонился.

Вечером Бека подошёл к нему.

— Ну что, тебя похвалили?

— Нет.

— Наказали?

— Тоже нет.

— Тогда зачем вызывали?

— Хотели понять, почему я поступил именно так.

Бека рассмеялся.

— Странные у вас, знатных людей, разговоры. Я бы просто сказал, что мы победили.

— Но ведь важно знать, почему победили.

— Важно. Только не слишком долго. А то противник успеет прийти снова.

Георгий улыбнулся. В словах Беки было больше здравого смысла, чем тот сам подозревал.

Прошло несколько месяцев. Георгий участвовал в тренировочных походах, изучал расположение укреплений, знакомился с особенностями местности и постепенно приобретал опыт. Его уже не воспринимали исключительно как сына знатного человека. Он научился замечать

детали, не теряться в неожиданной обстановке и внимательно относиться к людям, находившимся под его началом.

Но настоящая проверка пришла неожиданно.

Небольшой отряд, сопровождавший обоз с продовольствием, получил известие о вооружённой группе, замеченной неподалёку от дороги. Не было известно, кто именно эти люди и каковы их намерения. Командир решил отправить несколько всадников для разведки.

Георгий оказался среди них.

Они двигались осторожно, стараясь не привлекать внимания. Через некоторое время один из всадников заметил следы свежих копыт на дороге.

— Здесь недавно прошли не меньше десяти лошадей, — сказал он.

— Может быть, обычные путники, — предположил другой.

Георгий присел возле следов.

— Следы слишком глубокие. Лошади шли с грузом или были тяжело нагружены.

— И что это значит?

— Пока ничего. Но лучше проверить.

Они продолжили движение и вскоре обнаружили небольшую группу людей у заброшенного строения. Те были вооружены и явно не ожидали появления разведчиков.

Георгий приказал своим людям не нападать первыми.

— Мы должны выяснить, кто они, — сказал он.

Один из всадников возразил:

— Если они враги, нельзя давать им уйти.

— А если это люди из соседнего владения? Тогда мы сами создадим конфликт.

Георгий подъехал ближе и громко обратился к незнакомцам. Те сначала не отвечали, затем один из них вышел вперёд.

Выяснилось, что это были вооружённые люди местного владельца, направленные для охраны имущества после недавней кражи скота. Они не собирались нападать на обоз, но и не доверяли незнакомому отряду.

Переговоры оказались напряжёнными. Несколько раз руки всадников невольно тянулись к оружию. Однако Георгию удалось убедить обе стороны разойтись без столкновения.

Когда разведчики вернулись, командир выслушал доклад.

— Ты мог бы приказать им атаковать, — заметил он.

— Мог.

— И, возможно, одержал бы победу.

— Но мы не знали, с кем собираемся сражаться.

Командир задумался.

— Хорошо. Запомни: иногда лучший результат военного дела — это сражение, которого удалось избежать.

Георгий поклонился.

В тот вечер он долго сидел у костра вместе с Бекой. Тот молча точил нож, затем спросил:

— Ты всегда будешь пытаться договориться?

— Не всегда.

— А как поймёшь, когда уже нельзя?

Георгий посмотрел на огонь.

— Наверное, когда станет ясно, что другая сторона не оставляет нам выбора.

— А если ошибёшься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.